

Филипп Зеленый

Мантитор

Предания военно-космических сил
Земного Альянса

Филипп Зеленый
Мантикор. Предания
военно-космических
сил Земного Альянса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18977222

ISBN 9785447487508

Аннотация

– Огненных котов, как и волков, сожрала Мантикора. До нее их можно было встретить в пабах и трюмах, после нее – нет. Плевать на то, что пишут в Сети. Она сожрала их и их души, они стали призраками. Переформирование? Зачем это мертвецам? Сержант N, 5-я КДБ ВКС «Грифон»

Содержание

Мантикор	5
Дагон 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мантикор
Предания военно-
космических сил
Земного Альянса

Филипп Зеленый

Редактор Ирина Симонова

© Филипп Зеленый, 2018

ISBN 978-5-4474-8750-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мантикор

*«4-я Космодесантная бригада ВКС,
она же «Мантикор».*

*Эмблема: красная крылатая кошка
на черном фоне.*

*Последняя оставшаяся в строю
бригада с четным номером.*

*В настоящее время несет службу
на Мантикоре и Бусинке.*

*Доукомплектование личным
составом по списку F.»*

Из открытых сетевых источников.

*– Огненных котов, как и волков, сожрала
Мантикора.*

*До нее их можно было встретить в пабах
и трюмах,*

*после нее – нет. Плевать на то, что пишут
в Сети.*

*Она сожрала их и их души, они стали
призраками.*

Переформирование? Зачем это мертвецам?

Сержант N, 5-я КДБ ВКС «Грифон»

В экстренные моменты все происходит слишком быстро. Слишком быстро, чтобы думать. Потому солдата и заставляют оттачивать свои действия до автоматизма, чтобы, когда будет нужно, тело среагировало само, без всякого вмешательства.

тельства разума. Ну, или почти без всякого вмешательства.

Дремать в уютном салоне междугороднего экспресса было непривычно. Я почти забыл это ощущение. Нет, не комфорта. Его хватало и там, за небесами. А вот именно этого ощущения покоя и безмятежности. Когда основными проблемами являются котировки ресурсов и предвыборные соревнования. Когда никто не пытается убить тебя посреди сна, или пока ты идешь из душа. Никто не измывается над твоей кармой, и завтрашний день будет похож на сегодняшний, и ты проснешься в своей уютной постели рядом с женой, или на диване в окружении пустых бутылок, а не посреди выжженной равнины в кровищи и кишках своего мастера-наставника, проигравшего свой последний эрзац-поединок с лордом.

Я чувствовал себя сопливым курсантом в самоволке, да и, по сути, являлся им. Во всяком случае, официальным мой отпуск не был ни на секунду. По версии для верховного начальства, я находился в лазарете. По версии для лазарета – в курорт-профилактории. То есть в закрытом ****юшнике высшего класса, болтающегося на орбите Мантикоры.

Собственно, этот бордель и был последним местом, куда наша братия могла попасть при самом удачном раскладе. Никого из котов не выпускали с планеты, сначала – под предлогом карантина, а потом уже и без предлогов. Хотя мы и пытались сто раз доказывать, что даже штурм-охотники не имеют особых бонусов за небесами Мантикоры. А чего уж говорить

про нюхачей? Дурацкий рефлекс – слышать Зов и ощущать След Заклинателей. Вот, по большому счету, и все, что отличает тебя от обычного «Коли» с десантно-штурмовым излучателем Свахильсона наперевес, прибывшего сюда с учебки. Материалов по Мантикоре – уже два линкорных трюма, так что прибывающее пополнение проинструктировано не хуже тех, кто здесь живет постоянно. Проинструктировано-то оно проинструктировано, только есть рефлекс, которые можно получить и закрепить, лишь встретившись с кем-нибудь из демонов лицом к лицу. Ну и, конечно, если останешься в живых после такой встречи.

Одним словом, пришлось поднапрячься и дать на лапу представителю Пси-корпуса, чтобы он некоторое время смотрел в другую сторону во время штатных проверок. Ага, нас даже для похода в бордель пломбируют печатями и проверяют. Хотя уже сто раз было доказано, что никакого воздействия на людей мы произвести не можем, в отличие от этих патентованных мозгоклюев из пси-корпуса, которые следят за нами, как наседка за цыплятами.

Документы были даже почти не поддельные, потому как за пределами Мантикоры нашей четверки уже давно не существует, не удивлюсь, если и нас тоже. Но мне нужно было вырваться на Землю, хоть на недельку, хоть на три дня. Бывают такие поводы, когда надо.

Я хотел увидеть отца. Увидеть в последний раз, потому что два раза такие фокусы не проходят. И второй раз мне уже

не вырваться. В письме он держался молодцом, но я видел выражение глаз сестры и понял, что если не вырвусь сейчас, потом возвращаться будет уже некуда. И не к кому.

Дисбат мне не грозил – на Мантикоре для этого есть дозор, он же – караул. Когда ты – это приманка, и ты просто сидишь и ждешь, когда тебя начнут жрать. А потом – как повезет. Как хорошо и быстро сработают штурмовики и загонщики. Пока везло. Но нас обычно туда не отправляли, нюхачи – такие, как я, – сидят на подстраховке. На случай, если автоматика не сработает, а срабатывает она далеко-о не всегда.

В общем, перебил чип, махнулся с одним парнишкой куртками и оказался капралом Федоровым, из орбитальных технарей, в отпуске по ранению. Больше всего нервничал, когда брал билет на орбитальной станции над Свободной, не знал, как покажет себя перепрограммированный чип. Кодировал я его почти на коленке. Однако, все прошло гладко. И шло хорошо вот до этой самой минуты. Когда я услышал Зов.

Если бы я спал, я бы, наверное, умер, как минимум, от страху. Если бы я бодрствовал, наверное, тоже, ибо списал бы все на расшалившиеся нервы. Но я был обколот несоображайкой и прихлопнут ментальными печатями по категории А. Когда приличный ментат не может даже палец на ноге почувствовать внятно. Мы уж сколько раз говорили, что от этой дряни – один туман в голове, ан нет – положено, зна-

чит, положено.

...Путь в шаттл идет через шлюз ментального контроля. Где стальной истукан с милым голографическим личиком медсестры вкалывает ампулу несоображайки, и, пока ты приходишь в себя, хлещет сверху типовую ментальную печать такой силы, что конь про копыта забудет. Никакой тебе тонкой настройки, зато силища зверская. Надо же было как-то применять халявные варлонские гипноизлучатели – и вот, пожалуйста, придумали! Неделью после этого ходишь, как во сне, все пресное и безвкусное. Хотя, казалось бы, куда уже больше. Короче, вата ватой. Но было это четыре дня назад. Не могло меня еще отпустить – просто по-любому!

Я это все к чему рассказываю, к тому, что был бы бодрый – ни за что бы не поверил, а может быть, и не услышал. А так я дремал в креслице, поглядывал на милые пейзажики, проносящиеся за окном, и тут услышал Зов. Он шел Оттуда, еле слышный, но медленно усиливающийся на грани осязания, в переходе из ничто в нечто.

Сказать, что я психанул, было равносильно замалчиванию. Я никогда так не боялся, видимо, потому, что никогда за последние тридцать лет не был так расслаблен, безмятежен.

Я испугался сразу весь. Всеми клеточками тела разом. И рефлекторно сделал то, чего сделать не мог. То есть, не «не мог, потому что был обколот и заблокирован», не-е-ет, я сделал то, что не мог никогда, и никто не мог, кроме

покойного Волка. А именно: я выдернул кусок изнанки и завернулся в него. Причем, сделал это рефлекторно, не давая себе вспомнить, кто я и где.

Последующие события прошли, как в замедленном кино. Свет. Тьма. Частые яркие вспышки. Плавные повороты пространства, меня качало, как в лодке или в гигантской колыбели. Опять свет. Опять тьма. Тьма.

Кажется, там все кончилось. Надо выбираться из кокона. Вот только как?.. Мозг работал, как часы, но данных было чертовски мало. Я знал, что такое возможно, и волки могли откалывать фокусы и похлеще, но сама механика была не понятна. Мой мастер-наставник когда-то рассказывал, что пару раз проделывал такой финт, но тоже на пределе сил, и обычно кокон сваливался сам. Что это, толком не известно, но, говоря ненормальным языком – это такое зауголье мира. Она как бы и здесь и не здесь. Ходить там нельзя и делать нечего, да и силы она твои жрет только в путь, но переждать какую-нибудь катавасию можно. И демонам туда ходу нет.

Я прислушался. Вот уж действительно – блокада так блокада! Когда чувствуешь себя внутри огромной диванной подушки, или плюшевого мишки, если угодно. Кругом тишина, покой и вата. Наш мир виден очень смутно, как через толстое и мутное стекло. И то благодаря тусклым огонькам. Я прислушался, принял, но – тщетно. Тишина и пустота. Однако я знал, что там уже спокойно. Как возвращаться – вот чего я не знал, поэтому просто пошел в нужном на-

правления. Я шел, продирался через вату, продавливал резину, бежал, полз и грыз, пока не кончались силы. Бил. Пихал. Плакал и лежал в направлении жизни. Потом силы кончились.

Пришел я в себя утром. Или днем. Свет был не искусственный. Под казенной капельницей. Я их сразу узнаю, посмотрелся. Первая мысль была, что я опять в госпитале на Мантикоре. Однако необычайная легкость в теле и свет говорили совсем за другое. Мантикорская гравитация отличается от земной совсем немного, но весьма чувствительна по возвращении. Отсутствием этой самой легкости.

Палата была светлая. Окна забраны жалюзи, но за ними колыхалось что-то зеленое, должно быть, ветка дерева. Я покинул Землю в тринадцать лет, сначала – колледж-интернат на Свободной, потом университет, который мне не суждено было закончить из-за конфликта с дренладцами. Два месяца в учебке. И вот ты уже в космодесанте, парень. Надежда и опора ВКС. Смертность – около сорока процентов в первый год службы даже в условиях мирного времени. Древние байки про увальней, которых посылали пинать спящего дракона, это про нас. «Эй, парни, попинайте вон ту штуку, а мы посмотрим на эффект с орбиты!». Четыре раза я был в госпитале по-серьёзному и пару десятков раз отделался лазаретом. Это все было, как в прошлой жизни. До того, как нас бросили «на усиление охраны М-урановых шахт».

На Мантикору. В поддержку остаткам героической КДБ ВКС №2 «Вервольф». Когда мы прошли через ее небеса, мы думали что попали из хаоса в рутинную караульную скуку. Глупцы. Как же мы ошибались! Мы пришли в Ад, и двери небес захлопнулись за нами. Сколько раз мы мечтали бежать оттуда сюда, или куда угодно, вплоть до рудников Венеры. Но повезло только мне, и то, с условием, что я вернусь. Легенда не выдержит долго. Я сомневаюсь, что у меня есть честь, но у меня есть долг. И я собираюсь вернуть его.

Кстати, о долгах. Я прислушался к ощущениям своего тела. Вроде, все было в порядке. Я осторожно сел на кровати и отцепился от приборов. Эти манипуляции не прошли незамеченными, дверь отворилась, и в палату заглянула симпатичная медсестра, выглядящая даже приятнее, чем хорошо настроенная голограмма.

– Вам нельзя вставать! – голосок у нее оказался – под стать личику. Так бы и слушал весь остаток жизни. И если я не выпишусь отсюда как можно быстрее, то это желание может стать пророческим.

– Я чувствую себя значительно лучше, – сказал я и даже почти не соврал. Легкая слабость все еще наблюдалась. Но весь эффект от блокады и несоображайки как рукой сняло. Мозг был светел и ясен, и лишь на дне сознания мигала, медленно затухая, красная тревожная лампочка. След! Есть След!

– Мне нужна моя одежда, я должен ехать. Меня очень

ждут.

– Выписать вас может только врач.

– Ну тогда я готов встретиться с ним. Причем немедленно.

Я оттер ее плечом, и, как был – в бежевой пижамке, босиком, – протопал в коридор. Девушка вцепилась в меня и попыталась удержать. Вот смех-то! Она весила, наверное, даже меньше этой самой «свахи», с которой прибывают все новобранцы. И которую потом, после первого боя, сдают в арсенал или пропивают, поняв, что теперь терять уже нечего.

Я ласково приобнял медсестру, чтобы она случайно не повредилаась и, слегка приподняв над полом, понес с собой.

– Где тут у вас врачи водятся? – вежливо спросил я у сестры за регистрационной стойкой. В этот момент медсестра из-под руки что-то испугано пискнула, и я, резко обернувшись, увидел полицейские значки и серебристые дула двух парализаторов, направленные прямо на нашу скульптурную композицию.

– Капрал! Или как вас там? Вы арестованы. Отпустите девушку.

Я медленно отпустил девицу, и та быстро шмыгнула куда-то мне за спину.

– Ребята, давайте без глупостей, а? Вы же не военная полиция, я нахожусь на действительной. Я в отпуске. Я к отцу ехал. Он в госпитале. Я не знаю, что тут у вас случилось. Но мне очень надо успеть. Вы, может, слышали про него? Профессор Федоров?

Что-то не понравилось мне в их глазах. Давно на меня не смотрели так. Давно на меня не смотрели, как на лжеца.

– В этом городе и в этой части обитаемого мира все знают профессора Федорова. Человека, который подарил миру Бессмертие, – раздался голос за моей спиной, откуда-то из-за регистрационной стойки. – Его именем назван этот госпиталь и множество улиц на планетах Содружества.

Возможно, я крутанулся на голос резче, чем все ожидали, или они ожидали другого, судя по жужжанию двух парализаторов разом. Но я все равно успел повернуться и встретить холодный, буквально пронизывающий взгляд льдисто-голубых глаз Ирины.

– Профессор Федоров скончался в этом госпитале десять лет назад. Сразу после пропажи без вести его сына, капитана Федорова, сражавшегося в отдельном контингенте ВКС, – в голосе сестры был лед и красноватые нотки, похожие на ненависть.

В этот момент мои ноги все-таки подкосились, и я ушел на встречу с полом. Но даже сквозь полный мышечный спазм и нахлынувшее море чувств я отчетливо расслышал ее последние слова:

– И, скорее всего, погибшего вместе со своим подразделением во время уничтожения планеты Мантикора.

Потом я все-таки хорошенько приложился головой об пол, и должна была наступить тьма и забытьё, согласно классике жанра.

После одиночного заряда служебного парализатора, выставленного на максимум, обычно приходишь в себя часов через шесть, до состояния, когда можешь сложить два и два, и от двенадцати часов – до хождения без помощи стены или плеча товарища. Итак, меня поглотила тьма.

Однако последние слова сестры, никуда не делись. Они кружили вокруг меня, в моей тьме, водили хороводы на фоне равнодушных звезд. Десять лет! Я так спешил и все равно промахнулся на огромный кусок времени! Не нужно быть крутым ученым, чтобы понять, где я мог потерять такую прорву времени за считанные часы. Я не успел! Мы помирились с отцом не так давно, уже после войны, когда мне удалось убедить его, что опасность миновала, что я скоро выйду в отставку и займусь каким-нибудь мирным бизнесом. Я и сам так считал. Это было еще до отправки на Мантикору. И вот она, шутка Судьбы! Я не успел ни туда, ни сюда! Легендарная «четвёрка» все-таки встретила свой конец в той войне, для которой была создана. А меня не было с ними. Точнее, с нами. Теперь у меня, воистину, не осталось ничего.

Почти ничего.

Сестра никогда не любила меня, я для нее был потомком той, которая разбила их семейное счастье. Она была старше меня и не чаяла души в отце. Шла по его стопам. Старалась быть лучшей, надеясь обратить на него свое внимание. Но отец любил меня. Возможно, как память о моей матери, не знаю. А мне была не интересна ни его наука, ни медици-

на. Меня интересовали игры, виртуальные сражения, кибер-конструкторы. К тому же, жизнь в одном доме с этой фурией была малоприятной. Отца часто не бывало дома, и в такие дни (а иногда -недели), мне хотелось сбежать куда глаза глядят. Я и убегал, правда, недалеко. Ходил смотреть на реку. Уходить из дому совсем я был еще не готов – все же не хотелось расстраивать отца. Я знал, что он будет переживать, а я, я все же любил его. Потому, когда появилась возможность попасть в спецколледж на Свободной, я использовал все возможности, что бы отец отпустил меня туда.

Вырваться и из-под опеки родителя и от ненавистой сестренки – это был шанс, и я не мог упустить его. И все-таки я умудрился в дальнейшем крупно расстроить его планы, уйдя добровольцем со второго курса, да еще и не по специальности. С тех пор прошло много времени, а за последние часы еще больше, но наши отношения с сестрой так никогда и не наладились. И, судя по всему, уже не наладятся. В лучшем случае, это всегда был нейтралитет. Однако теперь, когда она вдобавок к прочим обидам еще и винит меня в его смерти... Чудо, если я вообще дотяну до рассвета. Есть масса препаратов, которые не оставляют следов. Следов.

Ох же ж, ты! След! Я же чувствовал След! Именно это и разбудило меня там, в палате.

Я чувствовал, что кто-то подходил к Границе. Скребся в нее, водил когтем по стеклу. Теперь там была тишина, но я знал, что это ненадолго. Заклинатели не знают отдыха и со-

мнений. Их единственная задача – послать Зов. И если все пройдет, как полагается, то через Кровавые врата на поверхность ступит Лорд. Дело это не легкое и не быстрое, и сопровождается такими спецэффектами, что, по большей части, одного Зова и прокладывания Пути хватало, чтобы перевернуть поверхность, сравнимую по площади с небольшим городом. Перемешать в одном котле небеса, огонь и скалы, поперчить все это М-урановыми выхлестами. И сделать так, чтобы перемещение над этим квадратом стало возможным только через стратосферу.

А вот если на поверхность ступает Лорд, тогда про эту часть планеты можно смело забыть на несколько десятков, а то и сотен лет. Он генерирует вокруг себя что-то вроде огромного купола, который потом всасывается в район Границы. Или напрямик на Изнанку. Потом – это тоже понятие относительное. Он может простоять час, а может десятков лет. Снаружи эта штука непробиваема просто ничем. Наши военные очень интересовались такими свойствами поля, но, кажется, на этом дело и закончилось, просто потому, что купол абсолютно нейтрален, и ко всему прочему, во многих диапазонах просто не существует. Так, радиоволны его не замечают. Локатор говорит, что там просто ничего нет. Выстрел из «свахи» гасится поверхностью. Как, собственно, и выстрел орбитального излучателя. На все известные науке реактивы – реакция отрицательная. Одним словом, мечта военного! Бились с ними долго, и теперь порой бьются,

как мухи о стекло. Несколько раз пробовали применить умение этих зазнаек из Пси. Результаты, безусловно, появились, но не те, которых хотелось. Выяснилось, что ментаты – это просто как шмат мяса для голодной собаки, точнее, для Заклинателей. Через них не то, что тропинку для лорда проложить – автобаны можно строить или даже лифт скоростной кинуть. Так что стоит ментату пройти через небеса, Заклинатели начинают сбегаться к нему мало не толпами. И еще состязаться могут, кто с какой высоты над поверхностью ментата снимет. Точнее, призовет. А последствия этого уже известны. Кровавые врата и спецэффекты соответствующие, когда реальность начинает рваться на осколки или кирпичи строительные, согласно теории ученых. Ничто не удержит этого обвала. Кроме, конечно, штурм-охотника, если у вас такой вдруг в команде сыскался. Не знаю, как они это делают, у каждого все индивидуально. Но прореху заткнуть могут, сам видел. Но эти способности – тоже от контакта с Изнанкой, так что в мире, где ткань реальности не переверчена, как на Мантикоре, повторить такого никому не удавалось. До вчерашнего дня, десять лет назад.

Следующее пробуждение было точной копией предыдущего, только без окон, и под родным искусственным светом (идентичным солнечному на девяносто восемь процентов), под которым я провел все последние годы, кроме вылазок на поверхность.

Капельница, пижамка, кушетка больничная, только рам-

ная, для буйных, ну и, конечно, старая добрая привязь по рукам и ногам, да и тело тоже, поперек груди чем-то зафиксировано. Спеленали, одним словом, как куклу. И наблюдение построже, ибо стоило мне только глазами моргнуть, как тут же кушетка медленно трансформировалась в нечто похожее на кресло.

А еще через три минуты меня удостоили визитом.

Увидев сутулую фигуру в черно рыжей форме дурацкого обтягивающего покроя, я чуть не всплакнул.

Лет десять назад я бы в такой ситуации, наверняка, запаниковал бы – встреча с представителями Пси-корпуса означала, как минимум, головную боль до обеда, как максимум – нервный срыв, но испорченное в хлам настроение и злость – всегда. Однако сейчас мне было даже интересно. Если за десять лет ничего не изменилось, значит, меня посетила довольно важная шишка. Форма без знаков различия, но было что-то такое в осанке, в его вальяжных неторопливых жестах, от чего мурашки бежали по коже. Аура власти, казалось, заполнила палату вокруг этого человека. И еще этот взгляд, было в нем что-то такое, змеиное, одним словом, мой посетитель – тип не из приятных.

– Доброе утро, капитан. – Голос у посетителя был неприятный, под стать остальному.

– Прошлый раз проснулся капралом, – осторожно ответил я, наблюдая за его реакцией.

– Ах, капитан, давайте не считать друг друга дураками?

Это сильно поможет нам в дальнейших отношениях. – С этими словами мой собеседник подкатил типовой больничный стул и удобно устроился на нем, напротив меня, скрестив ноги. – Итак, и где же Вы пропадали столь долгий срок? Мы тут уже все заждались и переволновались за Вас. Батюшка Ваш вот даже в гроб слег от отчаянья. А Вы где были все это время?

– Заждались? Вы меня что, ждали?

– Ох, не смешите меня капитан, неужели Вы думали, что с карантинного объекта сбежать настолько легко? Все эти фокусы с подкупом и переодеванием. Это ведь даже не для прошлого века.

– И зачем вам это понадобилось?

– Нам это нужно было ТОГДА, в рамках одного проекта, где Вы должны были сыграть определенную роль. Но проект уже закрыт, а Вы сейчас живы только потому, что мне интересно.

Я почувствовал нарастающее раздражение, всю свою жизнь ненавидел кукловодов, людей которые пытались управлять моей судьбой, тех, кто возомнил себя богами. Даже служба в армии не убила во мне этой ненависти, скорее, даже наоборот – усилила ее.

– То есть я действовал в рамках вашего плана? Может быть, Вы хотите сказать, что и случай в экспрессе тоже был не случаен?

– Вы о том, что Вы называете «Зов»? У нас было такое

предположение. Но были необходимы доказательства. Вы в очередной раз блестяще сыграли роль приманки.

– Но для этого нужно было присутствие Заклинателя, в непосредственной близости.

– И тут по счастливой случайности недалеко проходила выставка инопланетных артефактов древних. И какое чудо! Там был образец искривленной породы с Мантикоры.

– Вы притащили эту дрянь на Землю??? Вы в своем уме, мистер Как-вас-там??? – я задергался в своих путах, изо всех сил искренне желая вырваться и набить ему морду.

– Спокойно, капитан. Это был всего лишь эксперимент. Вы и ваши покойные товарищи были совершенно несправедливы к этим существам, которых вы называли демонами. Это была довольно высокоразвитая раса, жившая в каком-то другом измерении. Просто их жизненный цикл был привязан к той планете. Время от времени те, кого вы называете лордами, должны были приходить туда, чтобы перейти на новый цикл или, если вам так проще, уровень. Проблема в том, что своя жизнь на той планете давно погибла, и им не хватало маяков или проводников. Заклинателю приходилось расчерчивать сложнейшие ритуалы, или использовать для этого других Заклинателей, что также весьма не просто. Когда же на планете появились наши скауты, это стало них просто подарком судьбы. Проблема наших не сложившихся отношений в том, что у человека хотя и сильна ментально-энергетическая составляющая, однако сам он материален, и как след-

ствие – смертен. Обычно, как раз в момент перехода.

Я был изрядно ошарашен его откровениями, но это был не повод сбавлять тон.

– А почему мы узнаем об этом только сейчас? Какого черта вы молчали все это время???

– Дело в том, капитан, что это, в общем-то, уже широко известные факты. После гибели Мантикоры одна из древних рас поделилась с нами архивами по этому сектору пространства. И выяснилось, что этот феномен был детально исследован их учеными.

– А откуда тогда брались всякие возможности, возникавшие у людей на Мантикоре? Типа моего нюха?

– А кто вам сказал, что в их обществе нет интриг, иерархии или конкуренции, в конце концов?

Просто один из высших делился малой толикой своей сущности со смертными, чтобы усложнить жизнь конкурентам. Вот, собственно, и все. Все, как и везде в разумных мирах.

– Что-то не сходится у меня в голове. Зачем вам было забрасывать сюда меня, Заклинателя, создавать нашу встречу. Вы что, хотели проверить, сможет ли их Высший дотянуться от изнанки Мантикоры до Земли? Вы с ума сошли, что ли? Через половину галактики? А если бы получилось? А если бы...

– Капитан, все это время пока мы болтали, я копался в ваших мозгах и уже знаю, что эксперимент удался. Однако те-

перь это не имеет значения. Мантикора уничтожена случайно прорвавшимся через наши заслоны дредноутом приспешников Врага. Опасности больше нет. Осталось только зачистить кое какие следы. – Мой посетитель встал, промокнул лоб платком и пошел к двери, всем видом показывая, что его интерес ко мне исчерпан.

– Следы! След еще остался! – Рывкнул я в сутулую спину, судорожно пытаюсь найти в себе отголоски ощущения, которое я почувствовал в прошлый раз.

– Это ненадолго, мой дорогой капитан. Это ненадолго. – Псишник открыл дверь, и в палату зашла медсестра с инъектором. – Сделайте ему укол чего-нибудь успокоительного.

Медсестра быстрым шагом направилась ко мне, из-под маски были видны только ЕЕ глаза.

Я посмотрел в глаза сестры, там был лед и приговор.

И тогда я решил, что с меня хватит. Я собрал все свои силы, что у меня оставались, и все, что я помнил, и все, что рассказывал мне наставник, и все, что рассказал мне этот напыщенный индюк, добавил туда страх, ненависть и желание жить, обильно приправил воспоминаниями о багровом солнце и... послал Зов.

Никогда даже в страшных снах у меня не было и мысли, что сам я когда-нибудь буду пытаться сформулировать эту мучительно-страшную ноту, проходящую по грани осязания, между ничто и нечто, в самом уголке сознания, глухом, как другой край вселенной, уничтоженный этими под-

лецами много лет назад. Я выстраивал Ноту, вытягивал ее вдаль и в никуда, поднимал до небесных высот и опускал в неизмеримые глубины. Я не знал, идет ли уже по моим венам яд, останавливается ли мое сердце, но я хотел завершить свою работу и спеть последнюю песню сгоревшей планеты так, чтобы было не стыдно перед глазами всех ребят, погибших в этой ненужной, в общем-то, войне. На какой-то момент я почувствовал, что мои силы кончаются, мне не хватает силы, славы и длины этой трубы, к тому же я ощутил, как чья-то воля проникает в мое сознание, стараясь спутать мои мысли, сбить мою тему. В моем восприятии это было похоже на черную воронку, закручивающую в себя предметы и образы, чтобы утянуть их на самое дно.

Самое дно? Так ведь этого мне и надо! И я с самого широкого размаху вбил Трубу-Ноту Вызова в самый центр этой воронки. Вот почему Вызывающие так любили работать с телепатами! Их сила, их восприимчивость и разветвленность – прекрасная основа для плетения Пути.

Труба проваливалась и проваливалась, глубина у этой кроличьей норы была поистине бесконечной, однако в том конце вдруг забрезжил свет. И оттуда устремился поток силы, подпитывая мое сознание, кутая его в облаке искр и тепла. Я понял, что многое из того, что говорил полковник, близко к истине, а многое – безумно далеко, и еще я увидел выход, точнее, мне показали, что шанс есть, как он был и будет всегда с момента сотворения мира и много-много време-

ни потом.

Я открыл глаза, оглядел картинку бывшей клиники в стиле старых добрых адских традиций: дым, лава, останки стен и тел, гейзеры непонятно чего, бьющие до небес.

Молча коснулся лапой останков своего тела, обвисшего в путах последней ловушки. Хлестнул хвостом ту пададь, которая осталась от прочих, поднял край Изнанки, прижал крылья к спине и... прыгнул вперед.

Я знал, куда нужно идти: туда, где еще жив отец, туда, где живы Волки, и где мои братья еще болтаются в десантных кораблях на орбите, туда, где над черной землей все еще горит кроваво-красное солнце Мантикоры.

Посвящается моим друзьям
живым и мертвым.

За поддержку, идеи и веру в лучшее.

Филипп Зеленый, Екатеринбург 2015

Дагон 4

Она дотягивала четвертый коктейль, последний из разрешённых по протоколу. Ещё несколько брошенных взглядов, еще раз осмотрен каждый посетитель, еще раз лениво прокручено через палец маленькое зеркальце на длинной серебряной цепочке. Еще несколько минут, и еще один томительный вечер будет завершен.

НЕ СЕГОДНЯ, – пришла в голову мысль. Остатки напряжения покинули её.

Кейт покрутила бокалом, разглядывая веселую рубиновую линзу напитка, и вновь окунулась в воспоминания. На станцию она прилетела в четверг по Земле. На всех пересадочных пунктах традиционно время считалось по Гринвичу. Задание оказалось не из простых, но и не из очень сложных. Во всяком случае, его первая часть была наполнена редкостной рутинной – сидеть по всем кабакам станции Дагон-4. И не в компании своры старых добрых сослуживцев, а в одиночку. И ждать, когда к ней подойдут. Чего уж тут сложного! От вечернего платья она все-таки решила отказаться в пользу обычного летного комбинезона гражданского образца. На случай, если придется драться, комбез гораздо удобнее и дает хоть какую-то защиту. За три предыдущих дня она осмотрела с десятков баров, но сегодня решила вернуться в тот, где проблем было поменьше. Похоже, это

заведение, хитроумно запрятанное на границе делового сектора, предназначалось в основном для одиночек. Признаться честно, если бы его не было в рекомендованном списке, сама бы она его не нашла.

Здесь была очень неплохая кухня, много небольших столиков и уютных кабинок, и лирическая музыка начала 21 века. А сегодня еще и настоящий живой звук.

Солистка на маленькой сцене пела на архаичном русском диалекте всеобщего. Это было нечто протяжное и жалостливое. Кейт разбирала отдельные слова, но во что-то осмысленное они не складывались. Хотя, возможно, повинны в том были как раз коктейли.

Сегодня должно было что-то произойти. Сегодняшний сон. Записка на столе. «Откажись от задания». Знакомый почерк. Она перечла груду материалов, изучила личные дела всех участников миссии. Это был почерк капитана Андерсон, изящный и легкий, почти каллиграфический.

Впрочем, это неудивительно. Что же ей еще должно сниться, после такой прорвы перелопаченных материалов?

– Вы кого-то ждете? – Раздался бархатный мужской голос прямо у нее над ухом.

Кейт дернулась от неожиданности. Погрузившись в мысли, она не заметила, как он подошел. Однако факт остается фактом, за ее столиком расположился высокий мужчина в черном комбинезоне, плаще и шляпе с широкими полями.

– Нет. И я попрошу Вас оставить меня. – Кейт старалась

говорить ровно, с легким нажимом, давая понять незнакомцу, что она не пьяна и не ищет случайных контактов.

– Вы уже третий день на станции и второй раз заходите в этот бар. Вы пьете за вечер четыре коктейля «Адский поцелуй», но ни с кем не общаетесь. На Вас летный комбинезон, какие носит половина людей на этой станции. Но они обычно меняют их на что-то более свободное, когда идут в бар. По тому, как ловко Вы отбивались на третьем уровне, и на основании Вашего сложения, которое так удачно подчеркивает комбинезон, можно сделать вывод об отличной физической подготовке. Теперь, суммируя увиденное, осмелюсь предположить, что Вы офицер или чиновник на задании.

– Ваши выводы слишком надуманны, – она окинула незнакомца внимательным взглядом, пытаясь понять, что же в нем смущает, кроме его дурацкой шляпы.

– Согласен, – неожиданно легко согласился незнакомец. – Однако сейчас Вы пытаетесь понять, что же со мной не так. И я помогу Вам. Дело в том, что Ваш личный сканер молчит. Хотя давно должен был предупредить о моем визите.

Кейт бросила взгляд на наручный коммуникатор, сканер действительно молчал.

– А еще, – в его голосе почувствовалось что-то похожее на иронию, – Вы обычно вертите в руках серебряную цепочку с зеркальцем. Потому как считается, что Высшие не отражаются в зеркалах. Мне продолжить? Или все-таки скажете,

зачем вы меня ищете?

Она машинально подняла зеркальце на уровень глаз, и пустое отражение услужливо сообщило ей, что за столом она одна, а незнакомец все-таки прав.

– Я не была уверена, что Вы придете.

– По условиям Договора, станция Дагон-4 – это демилитаризованная зона. И потому, когда на ней появляется новый офицер или чиновник, мы просто обязаны поинтересоваться целью его визита. А уж если этот офицер – симпатичная женщина, то рутинная процедура становится гораздо привлекательнее.

– Я не офицер, – тут она запнулась, – я – детектив, Кейт Каховски, прибыла сюда просить вас о помощи в рамках частного расследования. – Она заставила себя посмотреть прямо ему в глаза.

– Очень интересно. О какой помощи вы просите? – Глаза подсказывали, что незнакомец по-прежнему сидит напротив нее, небрежно заложив ногу за ногу и покачивая в воздухе носком высокого сапога. – Наши цивилизации слишком разные. Мы не торгуем. Нас не интересует информация. Вам вообще нечего предложить нам.

– Мне нужна виза в ваш мир и проводник.

– Вот как! А как же пункт номер два Великого Договора? В котором сказано, что ни один солдат не ступит более на поверхность планеты?

– Я не солдат!

– Но были им.

– Я в отставке! И это действительно частное расследование!

– Послушайте, Кейт, можно я буду Вас так называть? Во-первых, не кричите. Меня все равно слышите только Вы, а люди в баре уже начинают посматривать в Вашу сторону. Не ставьте себя в неловкое положение. Во-вторых, давайте начистоту. Что вы хотите найти там, внизу?

– Я ищу одного человека.

– Кейт. Война закончилась десять лет назад. Тела ваших солдат, были переданы вашему командованию по условиям Договора.

– Кроме одного! Елена Андерсон. Капитан Елена Андерсон из дипломатического корпуса. Ее так и не нашли.

– Если ее не нашли десять лет назад, почему вы думаете, что Вам это удастся сейчас?

– Ее радиомаяк. Он неожиданно заработал. Раньше была такая мода у солдат – зашивать себе различные импланты. Для идентификации.

– То есть Вы хотите сказать, что пытаетесь найти человека, спустя десять лет, опираясь на сигнал ожившего датчика? Есть нужда напоминать, что наша планета не пригодна для жизни вашего вида?

– Не человека. Тело. Останки. Что-то, что можно похоронить по обряду.

– Я понял вас. Но теперь мой следующий вопрос. Почему

я должен вам помогать?

– Но тот же договор предусматривал передачу тел погибших солдат.

– Договор был заключен десять лет назад. Между Великими и представителем Земного Альянса, полковником Котовым. Договор был заключен и полностью исполнен. Это зафиксированный факт. Дагон-4, как вы нас называете, ничего больше не должен Альянсу.

– Но это частное дело! Как Вы не понимаете? У этой женщины остались родственники, семья. Они желают, чтобы хоть что-то, кроме славы, вернулось с той войны! – Кейт, забывшись, облокотилась руками о стол, подавшись вперед, к собеседнику.

– Елена была солдатом. Солдатом армии вторжения. Нет ничего удивительного в том, что она пропала без вести. – Голос собеседника, напротив, был спокоен и даже холоден.

– Но война закончена! И абсолютно все ее участники давно обрели мир. Кроме... Кроме нее.

– Эмоционально меня это не трогает. Вы просите о вылазке на запретную для вас планету.

В абсолютно чуждый вам мир. Один из немногих, который сумел отстоять свою независимость. Не склонился перед всей мощью вашей армии. Мир, доказавший свое право на это. При этом вам, как я уже говорил, абсолютно нечего нам предложить.

Итак. Как Вы собираетесь расплачиваться? Это, в об-

щем-то, простой вопрос, с которого следовало начать наш разговор, если бы я не был к Вам так расположен, что согласился выслушать все, что Вы мне скажите.

Кейт откинулась на своем стуле и внимательно посмотрела на Высшего.

– Вы заранее знали, о чем я могу попросить, но все-таки согласились выслушать. И не отказали сразу. Значит, есть цена, за которую Вы согласитесь мне помочь.

– Не исключаю такой вероятности.

– Скажите, а как Вас зовут?

– Вы называете нас «Высшие».

– А как же отличить Вас от Низших или других Высших?

– Низшие не умеют разговаривать. Они последнее, что видело большинство ваших солдат. А для Вас шанс увидеть других Высших катастрофически мал. Так что называйте меня Высший.

– Я готова хорошо заплатить.

– Деньги нас не интересуют. Нас не интересует ничего из того, что вы можете предложить. – Дагонец встал и, запахнувшись в плащ, повернулся к выходу. – Всего хорошего, Кейт.

– Вас – нет, но что интересует лично тебя, Высший? – Тоже вскочила она на ноги. – Чего желаешь лично ты?

Дагонец остановился и медленно повернулся в ее сторону.

– Тебя. – Голос раздался как будто внутри ее головы.

Сработало! Она была готова к этому вопросу. Но все рав-

но боялась, что голос подведет и выдаст ее радость. Полковник предупреждал, что они могут затребовать такую цену. И она была готова ее заплатить. Конечно с некоторыми оговорками, так же прописанными заданием.

– Я... Я согласна.

– Ты уверена? Ты готова обменять себя на останки этого капитана?

– Если больше ничего предложить, то – да.

– Да или Нет?

– Да.

Он встал из-за стола, подошел к ней вплотную и посмотрел прямо в глаза. Кейт отличалась высоким ростом, но дагонец был выше ее на голову, хотя когда сидел, казался меньше.

– Вы, люди, очень странные существа. – Он прикоснулся к ее подбородку. – Я готов принять твой дар, лейтенант Кейт Каховски. Но на всякий случай повторю свой вопрос. Да или Нет?

– Да. – Выплюнула Кейт, чувствуя, как от его прикосновения по телу начинают расходиться волны странного холода.

– Хорошо. Очень хорошо. Но не будем тогда задерживаться. У тебя же есть челнок?

– Да. В четвертом ангаре.

– Отлично. Тогда через два часа возле твоего челнока.

С этими словами Высший исчез так же неожиданно, как и появился. Выждав для приличия пару минут, Кейт броси-

лась к своему гостиничному номеру, по пути разжевывая пастилку нейтрализатора алкоголя. Быстро собрать все вещи, проверить почту и успеть выйти на связь с кораблем прикрытия до назначенного времени.

...Челнок входил в атмосферу по крутой траектории, машину ощутимо трясло. У Кейт даже возникло ощущение, что это – не случайность, а дагонец специально прокладывал курс таким образом, чтобы лишний раз подчеркнуть негостеприимность темной планеты.

Система Дагона всегда считалась пустой и безжизненной. Там не было полезных ископаемых, во всяком случае, в количестве, оправдывающем их перевозку к местам переработки. Атмосфера, хоть и существовала на одной из планет, была не пригодна для человека.

Так бы все и оставалось, если бы не контакт с Высшими цивилизациями и не открытие совершенно новых варп-двигателей. Для их производства требовался чрезвычайно редкий элемент, нартарий, или, как называли его космолётчики, «Золотой огонь», отсутствующий на большей части известных планет Альянса Земных Миров, или же встречающийся в столь незначительных количествах, что покупать его у древних рас было выгоднее, чем синтезировать самим. При прокладке трассы к новому рукаву Галактики и постройке космической пересадочной станции были повторно взяты пробы на всех планетах Дагона, и результаты их оказа-

лись ошеломляющими. Повсюду в этой системе процент содержания нартария был значительно выше нормы, а на Дагоне-4 так просто зашкаливал!

Галактические корпорации наперебой бросились столбить и разрабатывать планету, однако в скором времени выяснилось, что та обитаема. И местная цивилизация в корне не одобряла подобные действия. Обычно в таких случаях начинались сложные дипломатические переговоры, но «Золотой огонь» был настолько важным стратегическим сырьем, что аборигенов попытались вначале выжить с их родной планеты, а потом – и выжечь. Однако те сумели не только отбиться, но и нанести частным армиям корпораций такой урон, что правительству ничего не оставалось, как ввести туда экспедиционный корпус и попытаться взять дело под свой контроль.

Корпус высадился, но никаких особых успехов не достиг. Дагонцы появлялись там, где их не ждали, и не появлялись там, где должны были. К тому же ни одного пленного захватить за всю операцию так и не удалось. В конечном счёте было принято решение попробовать договориться. Спэйсмарины с остатками мирного населения были эвакуированы с планеты, а на ее поверхность отправлен специальный дипломатический корпус под руководством полковника Котова, которому через некоторое время удалось-таки подписать мирный договор, положивший конец войне и принёсший Альянсу некоторое количество требуемого ресурса. Од-

нако на дальнейшие разработки, как и контакты с планетой, было наложено вето. Это, конечно, не остановило одиночных искателей сокровищ, но частота удачных вылазок была столь низка, что всерьез их никто не рассматривал. Кроме того, любым военным силам запрещено было появляться не только на планете, но и на пересадочной станции над ней. И вот теперь она, Кейт, должна была пройти по следам того самого дипкорпуса и отыскать останки последней жертвы той далекой войны. Останки, которые смогут прояснить очень многое из темных мест старого конфликта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.